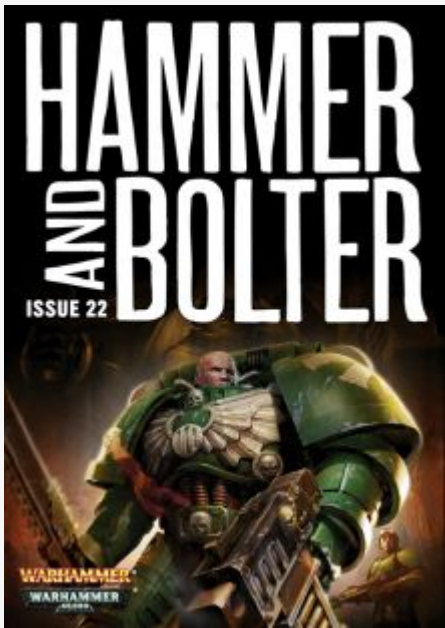

Повелитель пиявок / Leechlord (рассказ)

WARPFROG Гильдия Переводчиков Warhammer <i>Повелитель пиявок / Leechlord</i> <i>(рассказ)</i>	
	
Автор	Френк Кавалло / Frank Cavallo
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Источник	Hammer and Bolter #22
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

МУЖЧИНА, что уже должен бы умереть, открыл глаза сразу после восхода солнца. Один из разведчиков, шедших рядом с носилками Юргена фон Штурма, заметил, что раненый очнулся: он вытягивал шею и слабо шевелил руками. Разведчик тут же позвал командира, что ехал в нескольких шагах впереди.

- Сэр, он приходит в себя.

Капитан разведчиков натянул поводья и придержал лошадь, пока не поравнялся с носилками. Измождённый человек, который лежал на них, посмотрел на него снизу вверх выпученными, налитыми

кровью глазами. Он пытался что-то сказать, но итогом всех его усилий стал слаборазборчивый хриплый шёпот.

- Отдыхай, приятель. Ты в безопасности, - сказал капитан, протягивая ему бутылку воды. - И, клянусь Зигмаром, ты счастливчик. Если бы мы не наткнулись на тебя, то бог знает, что бы с тобой стало.

Фон Штурм схватил бутылку и, прижав горлышко к губам, одним духом выхлебал всю воду до последней капли. Напившись, он отшвырнул пустую бутылку в сторону. Его руки дрожали, когда он ухватился за ногу капитана, слабой рукой вцепившись в кожаный ботинок.

Фон Штурм уставился в глаза капитана затравленным, пустым взглядом, как будто глядя сквозь него.

- Он безумен, вы знаете, - выдохнул он. - Выдающийся. Умелый. Действительно очень умелый... но совсем, совсем безумный... - его глаза закатились. - Чума. Демоны. Он заботится о них, как... как о собственных детях.

Лесная тропа вывела на расчищенную поляну. Из леса вздымались выветрившиеся укрепления Ферлангена с опалёнными огнём гранитными стенами и чёрными воротами с железными зубцами. Как только показался город, один из разведчиков подул в рог, особым сигналом - три коротких гудка, два длинных - предупреждая стражу на бастионах. Как только ворота медленно открылись, сопровождаемые лязгом железных цепей и скрипом шкивов, пара гвардейцев вышла навстречу разведчикам.

- У нас здесь человек, которому нужна помощь! - выкрикнул капитан. - Предупредите цитадель и немедленно пошлите за доктором бургомистра!

Впрочем, ничуть не смущаясь звания капитана, гвардейцы не обратили ни малейшего внимания на его приказы.

- Собственным доктором бургомистра? - хмыкнул один из них. - При всём уважении к вам, сэр, вы не можете ожидать, что мы будем посылать гонца в цитадель ради каждого раненого солдата.

- Это не простой солдат, - ответил капитан.

Фон Штурм снова выпрямился на каталке, ткнув в гвардейцев костлявыми пальцами.

- Вы все в опасности, - прохрипел он. - Доктор... Крысиная оспа... Вы все в опасности.

Один из гвардейцев взгляделся в знаки на плаще фон Штурма. Пусть он и был рваным, окровавленным и грязным, но эмблеме на нём было трудно не узнать.

- Он один из гвардии Чёрного Орла?

- Похоже на то, - ответил капитан. - Он бродил по окраине леса в таком же состоянии, как и сейчас, и бормотал о демонах и болезнях.

- Гвардия Чёрного Орла? Но они же не... - начал другой гвардеец.

Капитан взмахом руки отнёс их опасения.

- Это обсудим в другое время. Сейчас этот человек требует ухода. Заберите его в цитадель. Его должен осмотреть лекарь. Генерал Форманн наверняка захочет самолично поговорить с ним. Он единственный, кто знает, что случилось с пропавшими полками.

ДОКТОР Матиас Колек покачал головой.

- Я ничем не могу ему помочь, - сказал лекарь. - Он совершенно ничего не воспринимает. С каким бы ужасом он ни столкнулся в чаще, тот сделал его совершенно безумным.

Фон Штурм лежал на ложе из шкур и соломы в затхлой, загромождённой комнате личного лечащего врача бургомистра. Он уставился в потолок, похоже, совершенно не заботясь, что по его душу пришли одни из самых влиятельных людей города.

Генерал Генрих Форманн смотрел на безучастного беднягу, на человека, который некогда был одним из лучших рыцарей Остланда. Он отказывался принять ответ доктора.

- Должно же быть хоть что-то, что вы можете сделать, - сказал он.

- За последние двенадцать часов я испробовал всё, что только смог придумать. И ничего из этого не показало даже видимость успеха, - ответил доктор. - Это бессмысленно. У него заметны признаки недавних травм, но они, по всей видимости, были успешно излечены. Если эта лихорадка спадёт, а сыпь исчезнет, то он будет в порядке.

- Мы должны узнать, что случилось с этим человеком и его братьями по оружию, - сказал Форманн. - Что бы за нечисть не настигла их, она по-прежнему бродит по тёмным лесам за этими воротами.

Доктор Колек, сутулый, высохший старик, потёр пальцами свои измученные глаза. На миг генерал прекратил давить на врача. И именно тогда фон Штурм отвлёкся от бессмысленного созерцания потолка и уставился прямо на генерала.

- Враг внутри! Убей меня сейчас или вы все умрёте, - выпалил он, прежде чем рухнуть обратно на кровать.

Мужественное лицо генерала Форманна побледнело. Короткой, лаконичной командой он приказал всем слугам и чиновникам покинуть палату. Как только палата опустела, он оглянулся на доктора, который, вконец обессилив, рухнул на стул.

- Должно быть что-то, что вы можете сделать, - повторил он.

Доктор Колек не ответил.

Генерал Форманн повернулся и, схватив доктора за его грязный фартук, рывком поднял на ноги.

- Мои солдаты всё ещё гниют там, в холодной грязи, - яростно прошипел он. - Если есть хоть какая-то возможность сделать так, чтобы он заговорил, мы используем её. Вы используете её.

- Вероятность есть, - ответил доктор. - Но в настоящее время наше единственное орудие - это терпение. Если его лихорадка пойдёт на спад, то это произойдёт не позже сегодняшней ночи. Если же нет... То, боюсь, ни одно лекарство в мире уже не сможет помочь.

Генерал Форманн выпустил доктора и снова посмотрел на фон Штурма, корчившегося в вялом бреду на кровати.

- Когда вы сможете это узнать?

- Я пробуду с ним весь вечер. Вернусь утром. Если он сможет встретить рассвет, мы всё же сможем узнать, что с ним случилось, - ответил доктор Колек. - Одна Шаллия знает, какие ужасы видел этот

человек. Я предполагаю, что они терзают его разум изнутри так же, как лихорадка сжигает его тело снаружи.

ЮРГЕН фон Штурм смотрел в темноту. Он слышал смех, доносившийся эхом издалека. От него пахло серой и дымом факелов. Он почувствовал тысячу вещей, все сразу, в одно мгновение. Всё было затянуто пеленой, каждый звук, каждый взгляд, каждая мысль.

А затем, словно вспышка, всё это вернулось к нему... за ним. И пережитое им тяжкое испытание повторилось вновь...

Он был в лесу. Он был со своими людьми, верхом, обнажив меч, хотя ещё и не видел врагов. На легкобронированном жеребце он ехал позади своих товарищей, погружаясь в мрачные леса северного Остланда. Знакомый мрачный строй Гвардии Чёрного Орла шёл впереди: упорядоченная линия из трёх сотен, вечно рвущихся в битву ветеранов.

Его товарищи конные рыцари прикрывали фланги марширующих колонн. Как и он, поверх стальных пластин они носили украшенные алым быком Великого княжества белые туники, пожелтевшие и потрёпанные погодой и временем, задубевшие от пыли и сажки. Основную часть армии составляли седые пехотинцы: копейщики с лицами, словно вырубленными из скалы, и нестриженными бородами. Они шли парами, с длинными мечами и скатками, закинутыми за спину, в кольчужных хауберках и окрашенных запёкшейся кровью кожаных куртках.

На руках, ногах, головах, груди виднелись шерстяные повязки, окрашенные в красный цвет кровью из ран, полученных за долгие недели, что продолжался их поход, в одном сражении за другим против бесчеловечной вражеской орды, которая, казалось, не знала усталости.

Фон Штурм прикоснулся к своей собственной перевязанной ране, когда её коснулся порыв холодного ветра, пролетевший над колонной и проникший под доспех рыцаря. Каждый раз, когда он смещался в седле, сталь панциря тёрлась о рану в боку. Его обмороженное лицо сморщилось, он потел, несмотря на холод. Скривившись, рыцарь зарычал от боли, отрезая себя стальной стеной от жалоб израненного тела.

Он просунул руку под пластину доспеха, чтобы прикоснуться к чувствительному бугорку разорванной плоти, где ржавый клинок крысолюда воткнулся ему в живот. Вынув руку, он посмотрел на свою ладонь - кожаная перчатка была скользкой от кровавого гноя. Рана не заживала, гной тёк из неё большую часть последних пяти дней, с той ночи, когда трусливые подонки напали на лагерь под покровом темноты, впервые за последние годы вынудив его сражаться без доспеха. Однако фон Штурм игнорировал инфекцию, даже когда по его телу пробежал озноб, не имевший ничего общего с холодом.

Он крепко зажмурился, чтобы попытаться прийти в себя, после чего посмотрел вперёд. Он внимательно вглядывался в неприветливый лес, окружавший их, ища любое неестественное движение среди зарослей обнажённых деревьев, сплётшихся голыми ветвями и дрожавших на ледяном ветру. Его уши ловили каждый шорох в колючих зарослях и каждый скрипучий возглас в сером небе. Мёртвый ковёр из опавших листьев лежал под ногами, слои влажной мульчи и сухого репейника. Каждый шаг ноги, либо копыта, сопровождался треском, а затем хлюпаньем, когда ноги погружались в мягкий суглинок. С каждым шагом из удобренной земли вырывались кусочки дёрна вместе с грязными, вонючими испарениями.

Ничто не могло избежать внимания фон Штурма. Ничто не ускользало от него: ни запахи, ни звуки, ни движение. Вечное развитие, постоянное изменение. Это было одной из привычек, что провели его через

такое количество сражений, что он уже и сам не мог сосчитать их точное число. И чем больше он сосредотачивался на окружающем, тем меньше внимания обращал на рану в боку. А также на озноб, пот и кашель, который обжигал его лёгкие.

Чем глубже колонны углублялись в лес Теней, тем больше, казалось, призраков леса окружало их. Остриженные зимой, склеротические деревья жались в измождённые заросли, срастаясь в спутанные скопления, которые объединялись в низко висящий над головой навес. Треск ветвей сопровождал каждый порыв ветра, словно лес грозил обрушиться вниз и вцепиться в проезжавших по нему людей.

Впрочем, при всей мрачности окружи ничто не нарушало покой фон Штурма. Пока не наступил час пополудни. Именно тогда что-то привлекло его внимание, что-то, что изгнало из головы все мысли о ране.

Сперва это был всего лишь намёк - неясный силуэт вдали.

Разглядеть очертания было трудно - просто едва различимая фигура на скалистом холмике на крайнем левом фланге походной колонны. На мгновение он подумал, что это, возможно, просто обычное искривлённое дерево, наполовину скрытое туманом и тенями. Впрочем, когда он подъехал ближе, он снова посмотрел на холм. И тогда все его сомнения отпали.

Это был человек.

Тонкая завеса тумана окутывала его, и фон Штурм прищурился, вытянув шею и напрягшись, пытаясь разглядеть какие-то детали. И, хоть тени от колышущихся на ветру деревьев почти скрывали незнакомца, ему всё же удалось разглядеть человека. И то, что он увидел, бросило его в дрожь.

Это был не сухощавый воин или мускулистый зверь. Человек был невысокого роста и очень жирным, складки расплывшийся плоти выпирали из-под рваного халата, который, казалось, сливался с туманом. Уже долгие годы легенды о лесу призраков рассказывали о страже-в-лесу. Фон Штурм отлично знал эти истории. Он знал об ужасной жуткой фигуре, чьё появление было мрачнейшим из предзнаменований, предзнаменованием болезни и страданий, известным под многими именами.

Ловец Чумы. Старый Костоправ. Плодоносный.

Он изучал далёкую фигуру, словно загипнотизированный, охваченный нездоровым любопытством. Долгое жуткое мгновение дородный призрак стоял совершенно неподвижно, пока порыв ветра не разорвал туман, скрывающий его, и не открыл взгляду посох безумного доктора. Вьющийся, словно окаменевший змий, он был увенчан демоническим черепом, с нанесённой на лоб кровавой руной. Пока фон Штурм изо всех сил напрягал глаза, пытаясь разглядеть его сквозь дымку, туман закручивался позади жуткой вещи, обесцвеченный и кутившийся, как будто встревоженный злым тотемом.

Лёгкие фон Штурма сдавило, стягивая грудь и выдавливая мучительный кашель. Словно в ответ, череп повернул свои чёрные, пустые глазницы, чтобы посмотреть прямо на него.

Кровь застыла в венах фон Штурма.

Спустя мгновение грудь снова сжало, на этот раз ещё сильнее. Фон Штурм отвернулся, чтобы успокоить дрожащие конечности и перевести дух, а когда, пару мгновений спустя, повернулся вновь - на холме было пусто. Странная фигура исчезла.

Он взял себя в руки, сделав несколько долгих, прерывистых вдохов, пока сердце в груди не перестало

стучать, словно молот. После чего фон Штурм оставил лейтенанта командовать арьергардом, а сам, прищиприв коня, понёсся в голову колонны.

В НЕСКОЛЬКИХ десятках ярдов от багровых и соболиных флагов свиты командующего он перевёл коня с галопа на рысь. Дворянин, отвечавший за их поход, Людвиг Эренхоф, увидел его и крикнул фон Штурму, чтобы тот подошёл. Безвкусно позолоченный плащ и вычурный шлем столь же верно выдавали в нём юнца, как и гладкий подбородок и юношеское лицо. Несмотря на то, что фон Штурм был на семнадцать лет старше, именно молодой наездник, как племянник самого курфюрста Валмира, был удостоен чести возглавить их славный поход.

- Что заставило вас покинуть свой пост и привело вас сюда, Юрген? - спросил Людвиг.

Фон Штурм не стал попусту терять время на любезности, как впрочем, практически всегда и делал.

- Мой господин, я увидел что-то в лесу. Слева от нас, примерно в миле позади, - ответил фон Штурм.

- Нечто, достаточно беспокоившее вас, чтобы поднять общую тревогу, как я погляжу, - заметил Людвиг, ни намёка на беспокойство не было в его уверенном тоне. - Что это было?

Мгновение фон Штурм раздумывал над ответом.

- Человек, - ответил он, наконец. - По крайней мере, выглядел, как человек. Я на мгновение отвернулся, а когда вновь посмотрел туда, где его видел, он... он исчез.

- Всего лишь один человек? - пошутил Людвиг. - Я думаю, наши молодцы смогут справиться с этим.

- Я не знаю, что это был за человек. Я вообще не знаю, человек ли это, - ответил фон Штурм, не сумев скрыть боль, вызванную заразой, поселившейся в его лёгких, что прорвалась в его голосе. - Это мог быть...

Он замолчал, не зная, стоит ли продолжать. Людвиг подтолкнул его.

- Это мог быть, кто?

- Фестус, - пробормотал фон Штурм, почти стыдясь того, что произнёс это вслух.

Людвиг покачал головой.

- Фестус? Безумный доктор? К старости вы стали излишне нервным? Мой дядя рассказывал мне, что вы были одним из самых яростных офицеров, с которыми он сражался бок о бок. А не человеком со столь буйной фантазией, - долгое мгновение он смотрел на фон Штурма, который из последних сил боролся с лихорадочной дрожью, охватившей его кости.

Фон Штурм про себя рыкнул на благородного юнца, но вслух лишь в отчаянии возвысил голос.

- Я в порядке. И я говорю вам, что нам стоит быть осторожными в этих лесах. Разнообразные опасности таятся на каждом шагу.

Безволосое лицо Людвига покраснело. Он пнул своего коня и подъехал так близко к фон Штурму, что смог ухватить рыцаря за плащ, притянув его к себе достаточно близко, чтобы прошептать: - Возможно, ты и знал меня ребёнком, но никогда не смей говорить со мной, как с одним из своих солдат. Ты меня понял?

Он выпустил рыцаря лишь секунду спустя, воспользовавшись возможностью ещё раз внимательно оглядеть его, поближе.

- Может, это лихорадка? - спросил Людвиг. - Вы выглядите бледным, старый друг. И вы вспотели так, словно сегодня не самый холодный день за последнее время. Пусть лекарь осмотрит вас.

- Я сказал, что я в порядке. Может быть, там и не было ничего. Но позвольте мне отправить разведчиков, чтобы уж наверняка быть уверенным.

- Нет, наши приказы ясны. Это не разведывательная экспедиция. Мой дядя отдал нам конкретное поручение: выследить отряд, который растерзал Салкалтен, и вырезать до последнего подонка, прежде чем они доберутся до деревень дальше на юге. И именно это я и собираюсь сделать с этими нечистыми животными.

- Если бы вы всего лишь позволили мне...

Они оба замерли. Где-то в лесу прозвучал рог. Это был низкий, напоминающий стон вызов, эхом отразившийся от жалких деревьев. Призрачный вой вызвал ропот среди людей.

- Спокойно, господа, - крикнул Людвиг.

Звук рога угас. Опустилась напряжённая тишина, но только на миг. Шаркающий звук быстро перебирающих ног пришёл ему на смену. Стук тысяч шагов, казалось, шёл со всех сторон.

- К оружию! - крикнул фон Штурм, подготовка и опыт отбросили прочь все ненужные мысли. - Стройтесь, образуйте защитное построение!

Пехота ответила с отработанным мастерством - сомкнув ряды, вынув клинки и приготавив щиты.

Это было сделано в самое время. Спустя мгновение призрачный лес ожил. Веревающая орда вылилась из тумана, словно порождение самой грязной земли.

Их тощие тела покрывал колючий, грязный мех. Большая часть тварей была светло-коричневого или тускло-серого, оттенка торфяного дыма, цвета, с нечеловеческими мордами, по бокам которых щетинились усы.

Крысолюды.

Они атаковали с той же скоростью, с какой появились из мглы, прыгая и набрасываясь с разных сторон с каждым ударом и тычком. Большинство не имели щита, предпочтя вместо этого обрушивать вихрь ударов ржавыми клинками, в обеих когтистых лапах. Облачены они были в разнообразное рваньё, лишь немногие имели мелкие металлические нагрудники или ржавую кольчугу.

Приблизившись к боевой линии, орда распалась на более мелкие группы, нападая на рыцарей и копейщиков отрядами по трое и более. Хотя каждое создание было ростом с человека, крысы предпочитали подкрадываться к своим врагам, избегая одиночной схватки и стараясь атаковать одновременно с разных сторон. Выхватив меч, фон Штурм уже спустя какие-то мгновения прикончил пару созданий. Третий крысолюд не принял боя, вместо этого бросив комок грязи в лицо рыцаря и трусливо, что было весьма характерно для сих тварей, затерявшись в тени сородичей.

Жар битвы словно бы вдохнул новые силы в измученные кости фон Штурма, на некоторое время даже заставив позабыть о кашле и потливости. Он ворвался в битву на своём жеребце, прорезая кровавый

путь в самое сердце орды. Удар за ударом он обрушивал вниз на мерзких врагов, его меч обрывал их жизни в серии отточенных смертельных взмахов. Каждый карающий выпад заканчивался влажным хрустом, сопровождающим вонзившуюся в плоть острую сталь, одинаково ужасный звук, невзирая на то, кто был жертвой: человек, животное или зеленокожий. Крысиная кровь брызнула на его доспех, пропитывая перчатки для верховой езды, пока каждое сжатие кулака не стало выжимать из них кровавые струйки.

Единственным смертоносным выпадом были умерщвлены два крысолюда: один выпотрошен, второй - обезглавлен. Мгновение передышки позволило ему вырваться из битвы и ещё раз осмотреть поле боя, на этот раз с другой стороны.

За это мгновение отвлечения ему пришлось заплатить.

Фон Штурм почувствовал, как его лошадь дёрнулась и пошатнулась. Резко оглянувшись, он обнаружил зазубренное лезвие клинка, торчащее из шеи жеребца. Залитая тёплой кровью, алебарда проткнула плоть коня фон Штурма, зубчатый клинок остановился в каком-то дюйме от его живота.

Ниже он увидел трёх крысолюдов, что победно взвыли, продолжая выкручивать древко алебарды, пытаясь свалить на землю большого, умирающего жеребца, словно подрубленный кедр. Протянув руку он схватил за горло одного из подонков и перекинул его через седло, словно тряпичную куклу.

Мгновение, он смотрел на хныкающего крысолюда. Даже в самый разгар битвы, с кровью, наполнившей воздух, фон Штурм ощутил отвратительную канализационную вонь, что прицепилась к меху твари. Рой блох, кишачих в шкуре крысолюда, вылетел из подшёрстка, когда фон Штурм сжал кулак в мёртвой удушающей хватке. Задыхаясь, пока его гортань сминалась в могучем кулаке рыцаря, крысолюд зашипел, открыв пасть, угрожающе продемонстрировал своему похитителю две пары заострённых острых резцов. Однако фон Штурм крепко удерживал создание, морщась от исходившей из пасти существа вони тухлых яиц и вылетающих с каждым судорожным хрипом капель кровавой слюны. Наконец крысолюд затих и обмяк.

А спустя мгновение, ноги его отчаянно ржавшего коня подломились, поймав в ловушку и левую ногу фон Штурма, застрявшую в стремях. Пока скакун падал, рыцарь пытался выдернуть ногу и одновременно удерживать меч.

Ему не удалось ни то, ни другое.

Убитый жеребец не пошёл по пути, на который пытался направить его крысолюд, вместо этого скатившись в овраг, бывший некогда руслом ныне мёртвой реки, и затянув фон Штурма под своё могучее тело, словно под ядро катапульты. Боль пронзила его - он ощутил, как хрустнули бедренные кости, когда могучий зверь прокатился по нему, потянув за собой по-прежнему зажатую в стремях ногу рыцаря и выдирая её из сустава.

Из его горла вылетел самый громкий, самый долгий крик за всю жизнь.

А потом всё окутала тьма.

ПРОШЛО несколько часов, прежде чем сознание фон Штурм вернулось.

Он медленно приходил в себя, перед глазами всё плыло, и он слышал бормотание - судя по всему, его заключительные молитвы к Зигмару.

Перелесок, куда ни кинь взгляд, был завален телами его товарищей, их искромсанные трупы были превращены в куски из разломанной брони и изуродованной плоти. Кровь и грязь смешались в вонючих лужах. Роились мухи и кричали падальщики над головой, кружась над своим протухшим пиршественным столом.

Он уже не чувствовал свои ноги, по-прежнему зажатые тушей мёртвого скакуна. Обуревавшая его лихорадка усилилась. Каждый вдох обжигал, словно в его лёгких разожгли огарок свечи. Балансируя на грани бреда, его глаза блуждали по царившему вокруг разрушению, потрясённые страшным зрелищем, ужасными запахами и страдальческим стоном тех немногих проклятых, что пережили прошедшую битву.

Но было что-то ещё. Что-то намного худшее, что шествовало по заваленному искалеченными телами полю.

Стайка странных существ веером рассыпалась вокруг него, прыгая и ползая везде, куда дотягивался его взгляд, некоторые из существ были не больше чем слепни, другие - не уступали по размеру гончим. Стадо ужасало. Некоторые твари представляли собой не более чем торс, с помощью напоминающих клешни рук тащивший себя по земле. Другие волочили по камням выпущенные наружу внутренние органы и кишки, чавкая, пошатываясь и пуская слюни. Более мелкие и быстрые существа крались между ними, не насекомые, не птицы, не рептилии, но ублюлочные гибриды всех этих тварей. У некоторых были выпуклые, лягушачьи глазные яблоки, истекавшие вязкими слезами, у других вообще не было глаз. Шипастые языки свешивались из пастей, усеянных обломанными зубами, расположенных по бокам острых, цвета слоновой кости, покрытых слизью торчащих вверх клыков. Эти демоны не вынюхивали падаль или объедали человеческие останки, которые оседлали их одностайники, а поглаживали и холили друг друга в вызывающем дрожь проявлении нежных чувств.

Знакомая фигура тащилась по следу демонического роя, в оборванных и изъеденных молью одеяниях.

Он совершал тайные обряды над мёртвыми и умирающими. Таща свой увенчанный черепом посох, жуткий старый доктор изучал некоторые трупы, роясь в отрубленных конечностях и шматках кровавого мяса, словно рыботорговец на рынке.

Фестус.

Его огромная туша была закутана в грязные рваные одежды: его вечно пухнувшее тело, рано или поздно, разрывало и растягивало всё, что он носил. Шерстяные нити потемнели от возраста, их первоначальный цвет ныне было невозможно разобрать за оттенком высушенных экскрементов и пятнавших одеяния наростах зелёной и чёрной плесени. Он был бос, несмотря на холод, его пальцы были чрезвычайно большими и грязными, с вросшими в плоть толстыми ногтями.

Ржавая патронташная перевязь, на которой болтались вываренные человеческие черепа, была перекинута через плечо. Верёвки из скальпов привязывали её к огромному деревянному ларю, который он носил, как рюкзак. Из приоткрытого ранца доносился звон десятков стеклянных флаконов, большинство наполовину заполненные молочной, кипящей жидкостью, а некоторые сияли от ядовитого свечения.

Шипящие змеи скользили вокруг посоха, который он сжимал в левой руке. Демонический череп, чей призрачный взгляд пару часов назад встретил фон Штурм, двигался со зловещей, разумной независимостью.

Собственный лик Фестуса представлял собой разрушенное болезнями месиво - из носа картошкой на потрескавшиеся губы медленно капала липкая слизь, из кист сочилась гнойная слюна, стекая по мясистым щекам, рябым от открытых болячек из некротической плоти и гноящихся язв. Дряблые щёки скрывали его челюсти под шеей, что раздувалась, как зоб у жаб.

Фон Штурм наблюдал за ним, окружённым демонической ордой, просеивавшим мёртвые тела. Было ясно, что Фестус не был вором. Он ничего не брал с трупов, которые привлекали его внимание, однако, он явно что-то искал. И только когда фон Штурм закашлялся, он понял, что.

Фестус искал его.

Монстр развернулся на скрипучий звук израненных лёгких фон Штурма. Даже на таком расстоянии, в тусклом сумеречном свете, фон Штурм мог видеть его безумный взгляд, зажёгшийся при звуке гниющей мокроты, выкашливаемой умирающим рыцарем.

Жирный, растрёпанный старый доктор подошёл поближе, с необыкновенной грацией пробираясь через трупное поле. Он остановился в нескольких шагах от фон Штурма, погребённого под грязной, гниющей конской плотью, и посмотрел на него сверху вниз. Безумный доктор ничего не говорил, он, казалось, только изучал его, слушая измученные хрипы, с каждым вдохом вырывавшиеся из груди рыцаря, беря пробы запахов гниения. Казалось, его интересовали даже самые мельчайшие детали недуга павшего рыцаря, но без какого-либо очевидного сочувствия к его страданиям.

- Я знаю, кто вы, - проговорил, наконец, фон Штурм, его голос был хриплым и прерывистым. - Я знаю, кто вы.

Ответа не последовало.

- Вы доктор Фестус, - продолжил он. - Говорят, что вы были... величайшим врачом в Империи. Что не было недуга, который вы... не могли вылечить. Но теперь, кажется...

Раздутая фигура широко улыбнулась, кривой оскал обнажил неровные ряды гнилых зубов, некоторые сношены до пеньков, другие были жёлтого цвета мочи и покрыты коричневым налётом. Когда он снял грязный зелёный капюшон, то фон Штурм смог рассмотреть его деформированную голову: бледная жилистая кожа, которая редко видела солнце, сквозь которую прорастали спутанные волосы, почерневшие за годы от покрывавшего их жира, и кишевшие вшами.

Он опустил свой свиноподобный нос, словно ищейка, обнюхав сначала руки фон Штурма, затем грудь, и, наконец, всё вокруг его лица. Как будто ища запах, или иной невидимый след, он с особенным удовлетворением кивал после каждого отдельного вдоха.

- Высокая температура. Холодный пот, - заговорил он, скорее для каталогизирования, чем для объяснения. - Тёмно-жёлтая слизь. Светло-коричневая сыпь распространяется от лица и шеи, переходя на конечности. Хриплый кашель, сильнее в груди. Да, как я и подозревал. Так редко, и так прекрасно.

- Вы... можете... помочь мне? - прохрипел фон Штурм. - Что бы ни случилось с вами сейчас... Если это правда, что некогда вы освоили каждую область медицины и все средства лечения... Можете ли вы исцелить мои раны?

Фестус насмешливо усмехнулся. Вместо ответа он продолжил изучать симптомы рыцаря. Теперь он подошёл поближе и провёл пухлым пальцем по краям глубокой инфицированной раны фон Штурма. Палец тут же покрылся толстым слоем застывшего гноя и засохшей крови и доктор, ничтоже сумняшеся

тут же поднёс его ко рту и облизнул. Опробовав зловонную смесь. Фестус снова кивнул, теперь более уверенно.

Фон Штурм слабо махнул рукой.

- Я вновь спрашиваю... Вы знаете, как меня вылечить?

И опять не было иного ответа, кроме насмешливого покачивания докторской распухшей головы.

- Пожалуйста, - умолял фон Штурм. - Я долго служил курфюрсту Остланда. Что бы вы не хотели, я смогу сделать так, чтобы это стало вашим, но, я умоляю вас, если внутри вас есть сила, исцелите меня от этих мерзких недугов!

В ответ на мольбу из горла Фестуса раздалось рычание. Его глаза выпучились от гнева. Он отпрянул от фон Штурма, как будто ему была нанесена самая большая обида из возможных. Несколько долгих, безмолвных секунд старый доктор стоял, отвернувшись от умирающего рыцаря, сжав пухлые кулаки и что-то бормоча себе под нос. Наконец, он повернулся к рыцарю, коварный свет зажёгся в его глазах.

- У вас есть дети? - спросил он.

Фон Штурм мгновение раздумывал, опасаясь выдать ненормальному, разрушенному созданию больше, чем то было необходимо.

- Были, - ответил он. - Сын и дочь. Они умерли несколько лет назад.

- Умерли... или были убиты?

Вопрос потряс фон Штурма так, как не смог бы ни один клинок. Слёзы выступили у него на глазах.

- Убиты. Когда на наш городок напали зеленокожие, - ответил он голосом, чуть громче шёпота.

Ответ ещё сильнее разжёл коварный огонь в глазах доктора.

- Должно быть, это был ужасный конец, - сказал он. - Скажите мне, вы видели, как они умерли?

Воспоминание принесло фон Штурму боль, которая была сильнее любых страданий от ран.

- Нет, я был в походе на севере Кислева, когда это случилось.

Фестус наклонился ближе, так близко, что фон Штурм мог почувствовать запах аммиачных паров его нездорового дыхания, приносимый каждым словом.

- Если бы я сказал вам, что я мог бы обратить вспять пески времени, - начал безумный лекарь, - чтобы вернуть годы и позволить вам увидеть их кончину... стали бы вы... Стали бы вы смотреть, как ваши любимые дети умирают?

Фон Штурм дёрнулся, качая головой, чтобы избавиться от образов, стараясь сдержать гнев, который они разожгли в его сердце. Он сжал кулаки, покачал головой и выдохнул проклятье себе под нос. Он посмотрел на Фестуса, с понимающим, грустным выражением глядевшего на него. Затем он опустил взгляд на фурункулёзные нарывы на руках, на гной, сочащийся из раны в боку, на кровавую мокроту, которую он выкашлял на собственную грудь.

- Я бы вылечил вас не раньше, чем вы бы согласились посмотреть, как предают мечу ваших собственных детей, - сказал Фестус.

Безумный доктор отвернулся от фон Штурма, подняв свой посох и вновь забормотав себе под нос, но на этот раз на пагубном, тёмном языке. В ответ на это демонический рой начал собираться вместе, влекомый странным призывом своего господина. Пёстрая толпа собралась воедино, карабкаясь друг на друга с помощью чешуйчатых хвостов и когтей, и все взгляды обратились на Фестуса, словно стая покорных волков, задышающаяся в ожидании команды.

Повелитель Пиявок не произнёс ни слова. Он опустил свой посох, указал им на фон Штурма и кивнул. Как будто в ответ, толпа хлынула, вздымаясь подобно волне искривленной плоти. Пробуждённые к действию и движимые одной целью, они как один опустились на фон Штурма.

СТВОЛЫ двух огромных дубов стояли бок о бок, переплетаясь по мере того, как верхние ветви с ростом деревьев сплетались вместе. Словно лесные стражи близнецы стояли на широкой поляне, в стороне от окружавших их густых зарослей.

Сросшиеся стволы были толстыми, раздувшимися, с выпирающими наружу провисающими наростами серой коры. Мало какие ветви росли на высоте ниже роста двух людей. Те, что росли от самого ствола, были широкие и круглые, сами почти как нормальные деревья, срастаясь в вышине в странные перпендикулярные наросты. Объединившись, они затеняли всё, лишь несколько ленточек лунного света проникало сквозь них. Было такое ощущение, словно вы находились в пещере, но от всей округи ужасно разило: застоявшийся, тяжёлый смрад экскрементов, смешивавшийся с застарелым запахом смерти.

Именно сюда принёс искалеченное тело фон Штурма демонический рой, протащив его по лесу, подобно колонии гигантских муравьёв.

Крик пронёсся сквозь полумрак. Он поднялся, как будто от внезапно пробужденной муки, а затем опал, стихнув до едва слышного хныканья. Зеленовато-жёлтый отблеск зажёгся в ответ на погребальный звон, прозвучавший в вопле. Фон Штурм мог видеть источник света и крика, ибо они были одним и тем же: человеком, обвисшим в железной подвесной клетке, его конечности были скованы, а серую голую плоть протыкали ржавые прутья. Надетая на его голову, подобно боевому шлему, крышка железного гроба сливалась с его черепом посредством какого-то чёрного колдовства.

Именно оттуда, из полупрозрачного, сбитого в плазму зелёного колпака, в который превратился мозг бедняги, и исходило слабое свечение. Фестус стоял рядом с ним и, совершенно очевидно, не находил в этом ничего ужасного.

Свечение раскрыло истинную природу его лагеря. Хоть нигде и не было видно ничего, что напоминало бы постоянные сооружения, тем не менее, это явно было чем-то большим, нежели временным пристанищем в дикой пустыне - фон Штурму оно больше напомнило импровизированную мастерскую, правда, лишь для самых отвратительных экспериментов.

Дюжина людских чучел выстроились по краям. По мере того, как зелёный свет разгорался, стали видны ряды трупов, свисающие с ветвей деревьев. Они находились на разных стадиях гниения: в плоти некоторых роились личинки, в то время как у других кожа почернела и кусками отслаивалась от костей.

Каждое тело висело на крюках и ржавых цепях, подобно кускам мяса, подвешенным рукой мясника. Было много неполных образцов: не хватало целых конечностей, кусков конечностей или других, более мелких частей - глаз, носов и ушей, оторванных и вновь пришитых в ужасных хирургических актах.

Рой опустил фон Штурма на плоский камень, почти как на алтарь или смотровой стол врача. Он не

чувствовал ног. Каждая минута приносила новые виды боли из раны на боку. Лихорадка стала сильнее. Зрение изменило ему, то фокусируясь, то вновь расплываясь, превращая всё окружающее в мутную, неразличимую пелену. Кашель же и жжение в лёгких заставляли его дёргаться в конвульсиях.

Над ним вновь появился Фестус, взмахом руки отпустив демонический рой. Затем доктор снял массивный деревянный ларь. Он раскрылся, словно шкаф, явив взорам переносную лабораторию, укомплектованную всеми видами отвратительных приспособлений.

Бесчисленные флаконы, пробирки и колбы висели в нишах, бурля и дымя. Сотни древних свитков были забиты в вырезанные из человеческих черепов слоты рядом с ними, их пергамент и пергамин пожелтели и затёрлись от времени. Кроме того, там были скальпели разных размеров, наряду с иглами, зажимами, пинцетами и крючками, а также пара пил для костей с покрытыми коркой старой крови зубцами.

Когда фон Штурм увидел ужасные орудия, его сердце судорожно забилося.

- Мерзкий обманщик! Что ты собираешься сделать со мной?

Фестус проигнорировал его, склонившись над своими флаконами и ржавым инструментом.

- Если ты собираешься пытаться меня, чтобы выудить информацию, знай - ты ничего не узнаешь. Можешь делать со мной, что хочешь, но я верный слуга Империи и лучше умру, чем предам моего господина!

Наконец, Фестус снова повернулся к фон Штурму.

- Вы были порезаны скавенским клинком, крысами из клана Чумы, - сказал он.

- Как ты...

- Металл был покрыт крысиной слюной, которая была заражена чумой, что наиболее распространена среди коричневых крыс с короткими когтями, популяции под-Империи. Она распространяется среди них с помощью зеленокрылых блох. На сегодняшний день - мой фаворит, действительно весьма редкий штамм.

- Редкий?

- Среди людей, по крайней мере. Несмотря на то, что когда-то он был смертельным для них, крысы выжили и сумели к нему приспособиться и достаточно неплохо его переносят. Однако для людей, этот вид чумы особенно действенен. Вы должны были умереть уже несколько дней назад, - размышлял он почти про себя. Затем склонил голову и посмотрел на фон Штурма, как будто видя того в первый раз. - Почему же вы всё ещё живы?

- Может, мне просто повезло.

Фестус покачал головой, либо не уловив сарказма, либо проигнорировав его.

- Вы знаете, что хочет чума? - спросил он. - То, чего она желает больше всего?

Фон Штурм задумался, пытаясь протереть глаза, его зрение с каждой минутой расплывалось всё больше. Принимая во внимание боль, проходившую через его грудь и голову, он мог придумать лишь один ответ.

- Убивать? - прохрипел он.

Фестус погрозил жирным пальцем, словно школьный учитель.

- Это то, что делает чума, а не то, что она хочет, - ответил он. - Скажите, что, на ваш взгляд, является величайшими болезнями всех времён?

И снова фон Штурм задумался, изо всех сил пробиваясь через накатывающийся на него бред.

- Не знаю... Чёрная чума, упырья оспа. Скрежещущая лихорадка, возможно, - ответил он.

- Я лечил каждую, - ответил Фестус. - И они убили тысячи, возможно десятки или даже сотни тысяч. Мёртвых никто не считал, - Фестус наклонился ближе к фон Штурму. - И все они были неудачными, - прошептал он.

- Я не понимаю, - прохрипел фон Штурм. - Если ты собираешься убить меня, то давай покончим с этим. Я должен был умереть на поле боя, а не так.

Фестус не обратил ни малейшего внимания на его страдания.

- Как вы думаете, почему же все эти страшные заболевания закончились ничем? - чуть более настойчиво спросил Фестус.

Фон Штурм покачал головой. Силы уже почти оставили его.

- Это было не потому, что они убивали, а из-за того, как они это делали. Именно потому, что они были слишком смертельны, - ответил Фестус. - Самая успешная чума не та, что убивает всех за одну ночь. Наоборот, чума, которая сжирает своего носителя слишком быстро не представляет для меня совершенно никакого интереса.

- Почему ты рассказываешь мне всё это?

- Потому что вы всё ещё живы.

- Клянусь богами, ты и вправду свихнулся.

Фестус покачал головой.

- Носитель, - сказал он. - Вот то, что желает всякая болезнь. Дом, где она может процветать, крепкий образец с сильным иммунитетом, чтобы прожить достаточно долго, пока болезнь растёт, созревает. Распространяется. Видите ли, мой друг, величайшая чума, это та, которая может распространяться, не убивая, по крайней мере до тех пор, пока не заберёт у своего носителя всё, что тот может предложить, чтобы плодить новые болезнетворные рои, чтобы распространяться всё дальше и дальше. Для этого нужна крепкая жертва, а это такая редкость. Но когда она находится, то нет ничего прекраснее получающегося союза. Идеальный симбиоз - самая заразная из болезней, распространяемая самым крепким носителем.

Ужасное осознание обухом ударило фон Штурма.

- Нет, - выдохнул он, его дыхание прервалось. - Убей меня. Убей меня немедленно.

- Убить вас? Я боюсь, вы ничего не поняли из того, что я рассказывал вам, - ответил Фестус. - Нет-нет-нет. На самом деле ваше убийство - это последнее, что входит в мои намерения, не после того, как вы показали такой природный талант. Нет, я собираюсь оставить вас даже в лучшем состоянии, чем нашёл. В моих руках вы станете совершенным.

- Совершенным? Я не понимаю, - прохрипел фон Штурм. - Ты что, в конце концов, собираешься вылечить

меня?

- Уже скоро я дарю вам величайший дар, - ответил Фестус. - Вы счастливец - немногим из тех, с кем когда-либо пересёкся мой путь, повезло так, как вам. Боги и вправду благословили вас. И я намерен увидеть, что вы не потратите впустую этот божественный дар.

Фестус поднял флакон с кипящей болезненно-зелёного цвета жидкостью. В другой руке он держал ржавый шприц. После чего с улыбкой и смехом он соединил их. Фон Штурм вздохнул и попытался заговорить, но сознание покинуло его прежде, чем он успел вымолвить хоть слово.

ФОН ШТУРМ держал глаза закрытыми. Он вспомнил всё, но по-прежнему надеялся, что всё было не так. Он надеялся, что ошибся. Он молился, чтобы всё это было лишь сном. Кошмаром. Но когда он, наконец, открыл глаза, все его худшие опасения подтвердились.

Было уже утро. Мягкий, бледный свет лился через пару открытых окон. Всё было совершенно по-прежнему. Он был не в логове Фестуса - вместо этого он снова лежал в постели на попечении доктора бургомистра Ферлангена, и сам старый врач сидя спал в кресле рядом с ним.

Фон Штурм поднялся с кровати и, дрожа, слегка подтолкнул сторбившуюся фигуру доктора Колека. Лекарь не ответил. Он схватил старика обеими руками и встряхнул, пытаясь разбудить, но тело врача было безжизненно, голова безвольно повисла на шее.

Рыцарь Чёрного Орла приподнял подбородок доктора и мгновенно понял всё. Лицо доктора Колека было покрыто бледно-зелёной сыпью. Его щёки вздулись от выступивших на них волдырях. Жёлтая мокрота коркой засохла на его губах.

Фон Штурм, спотыкаясь, прошёл через комнату, в сторону зеркала, висевшего на противоположной стороне. Он посмотрел на своё отражение в полированном стекле.

И замер.

Его собственное лицо было искривлёнными руинами. Зелёные пустулы опухали по всей его плоти. Его волосы выпали целыми клоچьями, оставив пятна крапчатой, шелушащейся кожи. Он сорвал с себя тунику, и его кровь застыла. Под одеждой он увидел, что всё его тело было обезображено оспой, деформировано и истекало гноем.

Но он ничего не чувствовал. Не было ни жжения в лёгких, ни лихорадки, ни кашля. Он не ощущал слабости. Ни какого-либо недуга иного рода. Вновь вернулась сила в ногах.

Он прошёл через комнату и распахнул дверь, но стражи не стояли снаружи. Он сразу же увидел, почему - они прислонились к стене, их плоть покрывали мокнущие пустулы. Дальше по коридору лежало ещё больше тел, растянувшихся на полу. Все они были мертвы от того же недуга. От его недуга.

Он со всех ног бросился по коридору и, рывком распахнув дверь, спотыкаясь, выскочил во двор, на воздух.

Безмолвный кошмар приветствовал его, и невообразимая вонь гниющей плоти.

Города больше не было. Трупы валялись на каждой улице, свалившись у дверных проёмов или конских стойл, застыв в последние мгновения своей агонии. Солдаты, женщины и даже дети лежали там, где их застала смерть. Раздутые мухи жужжали в холодном воздухе.

Юрген фон Штурм рухнул на колени. Слова Фестуса эхом звучали в его голове.

«Самая заразная болезнь, распространяемая самым крепким носителем».

Он закричал в небеса, но не было более в Ферлангене ни единой живой души, что могла бы услышать его крик.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Повелитель_пиявок_/_Leechlord_\(рассказ\)&oldid=9241](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Повелитель_пиявок_/_Leechlord_(рассказ)&oldid=9241)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 07:52.